

ПРИЗНАКИ СИНТЕЗА КОНФУЦИАНСТВА С МАРКСИЗМОМ В ИДЕЕ СИ ЦЗИНЬПИНА О СОЦИАЛИЗМЕ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ НОВОЙ ЭПОХИ

В.В. Сухомлинова

Сухомлинова Виктория Владимировна – аспирант кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: pavlenko1993@gmail.com

Сухомлинова В.В. 2020. Признаки синтеза конфуцианства с марксизмом в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 1(13). С. 30–38. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-30-38>

Статья поступила в редакцию: 30.04.2019. Принята к публикации: 10.12.2019.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

К настоящему моменту сохраняется актуальность задачи исследовать международные отношения с точки зрения дихотомии «Восток – Запад», и не столько в её политическом, сколько в социокультурном разрезе. Мировая политика нуждается в философском переосмыслении основ межкультурной коммуникации, поскольку именно в нём – ключ к управлению ею. И не в последнюю очередь мы нуждаемся в углублении понимания феномена Китая, а именно синтетического потенциала его политико-экономической доктрины.

В статье рассматривается механизм самообновления и актуализации государственной идеологии в Китае, условно обозначенный автором как «заимствование-интерпретация». В период Китайской империи данный механизм применялся к конфуцианству в те моменты, когда на историческом горизонте появлялись учения-конкуренты (легизм, даосизм, буддизм, западный либерализм), угрожающие стабильности зиждущегося на конфуцианстве политического режима. Благодаря смысловой концентрации древнекитайского текста, на котором были составлены раннеконфуцианские каноны, чиновникам-комментаторам удавалось «пришнуровывать» к ним новые смысловые уровни, интегрируя враждебные философские концепты в систему конфуцианских ценностей без нарушения её формальной целостности. Конфуцианство прочно утвердилось на острие процесса усложнения китайской идентичности. Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин наследует от своих предшественников в деле наделения марксизма «китайской спецификой». Применяя механизм «заимствование-интерпретация», он обеспечивает синтез «основных ценностей социализма» с этическими максимами конфуцианства. Таким образом, нынешнее руководство КНР надеется устранить негативное влияние капиталистических ценностей на сложившиеся в обществе отношения и упрочить авторитет Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: философия культуры, идеология, философия Китая, синтез, конфуцианство, марксизм, маоизм, Си Цзиньпин.

На XIX съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2017 г. было принято решение о том, что идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи будет внесена в Устав КПК¹. Это автоматически означало последующее внесение её в Конституцию КНР в качестве нового звена в цепи идеологических опор китайского государства – марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теоретических трудов Дэн Сяопина, теории «трёх представительств» и научной концепции развития. Идея о социализме с китайской спецификой новой эпохи станет, по традиции, квинтэссенцией правления действующего китайского председателя, наследием его эпохи, каким оно останется в анналах Китайской Народной Республики.

Необходимость придерживаться марксизма как руководящей идеологии занимает в структуре этой идеи ключевое место. 18 декабря 2018 года, на торжественном заседании, посвящённом 40-летию политики реформ и открытости, Си Цзиньпин подчеркнул: «Развитие марксизма в XXI веке – это священный долг КПК. Мы обязаны продвигать теоретические инновации в марксизме; заимствовать наиболее выдающиеся достижения человеческой цивилизации в ответ на те уроки, что дают нам эпоха и практика»².

Эпоха и практика свидетельствуют о том, что в связи с проведением рыночных преобразований в стране сохраняется ряд серьёзных проблем. Успех политики реформ и открытости способствовал внедрению либерально-западных ценностей в мировоззренческую систему китайцев. На базе социалистической экономики с

рыночной спецификой создавался всё более прочный идеологический «сплав» либерализма и марксизма. В деле достижения материального благополучия китайской нации он оказался беспрецедентно эффективным. Однако в долгосрочной перспективе неизбежно вставал вопрос об устранении подобной эклектичности коммунистического государства с капиталистической экономикой: события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь показали, что она вносит дестабилизирующий диссонанс в умы молодого поколения китайцев. Жёсткое подавление студенческих акций протеста с требованиями политических реформ стало прологом к «повороту в сторону культурного консерватизма» [Крушинский, 2015: 135]. Его целью было заменить либерально-западные ценности на традиционные конфуцианские, синтезировав их с марксизмом так, чтобы восстановить национальную самобытность и сохранить при этом жизнеспособность рыночной экономики. В период правления Цзян Цзэминя (1993-2002 гг.) были сформулированы:

- теория «трёх представительств» с её идеей отхода от классовой борьбы;
- понятие «культурно-исторического пространства» с прицелом на интеграцию с капиталистическими экономиками Сянган, Аомэня и Тайваня;
- в выступлениях Цзян Цзэминя всё реже фигурировали слова «идеология» и «социализм», которые заменялись на «славные традиции единства», «духовная сила» и «дух патриотизма» [Галенович, 2003: 141];
- в эпоху Ху Цзиньтао (2003-2012 гг.) предпринимались дальнейшие попытки

¹ Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1025/c31521-9285013.html> (дата обращения: 23.03.2020).

² 习近平：在庆祝改革开放40周年大会上的讲话 [Выступление Си Цзиньпина на торжественном собрании, посвящённом 40-летию политики реформ и открытости]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/1218/c64094-30474794.html> (дата обращения: 09.01.2019)

введения в общественный дискурс «сигнальных слов», апеллирующих к традиционным ценностям: гармоничное общество, социальная ответственность, человек в основе всего [Галенович, 2006: 11].

Однако опора партии на крупный бизнес привела к дальнейшему углублению социальных и территориальных диспропорций, к дисбалансу между защитой окружающей среды и ускоренным развитием и, как следствие, к нарастанию недовольства по отношению к партии беднейших слоёв населения. При этом легитимность компартии и целесообразность сохранения её руководящей роли подвергалась сомнению среди представителей среднего и высшего классов, фактически живших по законам капиталистического общества.

Таким образом, к моменту очередной смены руководства противоречия, связанные с применением негармонизированного «сплава» либерализма и марксизма, были устранены лишь внешне, но сохранялись потенциально. Критический уровень социальных диспропорций, кризис марксистской идентичности, отказ от стремления к самобытности мировоззренческих установок, но самое главное, размывание руководящей роли Коммунистической партии как гаранта общественного единства – всё это было серьёзной угрозой действующему политическому режиму. Поэтому перед руководством Китая при Си Цзиньпине встала необходимость разработать стратегию модернизации социализма с китайской спецификой, конкретный механизм которой также прозвучал в вышеприведенной цитате: заимствовать наиболее выдающиеся достижения человеческой цивилизации.

При этом речь идёт о заимствовании не столько философских и идеологических доктрин как таковых (это привело бы к появлению ещё одного внутренне противоречивого «сплава» идентичностей), сколько механизмы их инкорпорации в практическую деятельность. Данный подход может быть условно назван «заимствование-интерпретация». Механизм «заимствование-интерпретация» не раз применялся в качестве инструмента обновления правящей идеологии и фор-

мирования самоидентификации китайской нации. На протяжении двух тысяч лет подобные операции производились с главенствующей философской доктриной имперского Китая – с конфуцианством.

Конфуцианство возникло в V в. до н.э. как гуманистически-просветительское учение, основывающееся на:

- этических принципах взаимности (*жэнь*);
- примате добродетели над законом (*дао чжи и дэ*);
- расширяющемся круге личной ответственности (*сю ци чжи пин*);
- гармонии без единообразия (*хэ эр бу тун*);
- духовном совершенствовании посредством непрекращающегося самообразования (*сюй шэнь*).

Специального общественно-политического аспекта в конфуцианстве не существовало, поскольку, по убеждению его основателей, в политике действовали те же правила гуманности, что и в любой другой сфере общественных отношений. Таким образом, изначально конфуцианство представляло собой набор универсальных этическим максим, исполнение которых должно было способствовать делу установления «внутриличностной» и социальной гармонии. В то же время чёткого механизма управления, который смог бы вдохновить людей на соблюдение норм морали, в нём прописано не было. Единственным ориентиром служило описание идеала общественного развития, Великого единения *датун*:

- «когда в Поднебесной господствует дао, всё является общественным достоянием, к управлению привлекаются мудрые и талантливые;
- люди мирно сосуществуют и помогают друг другу;
- когда человек относится как к близким не только к своим родственникам;
- когда старики живут долго, сильные находят себе применение, немощные получают заботу;
- когда состояние не скапливается, зло не обнаруживается в отношении к другим;

– когда воров и преступников нет, а двери на ночь не запираются – всё это и есть Великое единение»³.

На пути к обществу датун предполагалось закрепиться на промежуточном этапе – сяокан («малая зажиточность»), в ходе которого должно было произойти становление семьи как очага морали и гаранта материального благополучия её членов. Вышеупомянутая концепция *сю ци чжи пин* предписывала индивиду сначала воспитать самого себя и, по мере приобретения внутренних сил и потенциала для развития, постепенно расширять круг тех, за кого он в ответственности [Фэй Сяотун, 2012: 46]. Так оформилась конфуцианская идея растяжимости понятия «семья», под которой могли подразумеваться как один человек, так и целое царство.

Термин *сяокан* был позаимствован у конфуцианства ещё Дэн Сяопином. Си Цзиньпин задействовал его в качестве «первой столетней цели» – к 2021 году, к 100-летней годовщине создания КПК, создать общество малой зажиточности, с тем, чтобы к 2049 году, к столетию основания КНР, в Китае было построено богатое и могущественное, демократическое и цивилизованное, гармоничное и модернизированное социалистическое государство – описание, не отсылающее напрямую к конфуцианскому *датун*, но очевидным образом скоррелированное с ним.

Конфуцианство глубоко укоренилось в менталитете китайского народа, его социальные утопии рождали позитивные ассоциации у широких слоев населения и способствовали доверительному отношению к тем властям, которые обязались эти утопии реализовывать. Поэтому во II в. до н.э. именно конфуцианство было выбрано в качестве государственной идеологии Китайской империи. При этом отсутствие строго прописанной стратегии государственного управления было компенсировано за счёт концептов враждебной конфуцианству легистской доктрины.

«Имперское» конфуцианство пополнилось такими ориентирами, как верховенство закона, унификация мышления чиновничества и устранение принципа совещательности; тотальный цензорский надзор.

Применение механизма «заимствование-интерпретация» стало возможным благодаря высокой степени понятийной концентрации древнекитайского текста. Благодаря ей конфуцианские термины выступали как материя, потенциально заключающая в себе самые разные, зачастую противоречащие один другому, пути осуществления в той или иной форме-интерпретации. Стояла задача сохранить авторитет Конфуция, но изменить значение его слов. В качестве примера приведём изречение из трактата «Луньюй»: «*гун ху и дуань, сы хай е и*» (Луньюй 2.16). Его смысл, тот, который вкладывал в эти слова Конфуций, изначально таков: «Нападать за инакомыслие — это губительно» [Конфуцианское «Четверокнижие», 2004: 162]. Он вполне коррелирует с раннеконфуцианской концепцией «гармония без единообразия». Чиновник времён династии Сун (960-1279 гг.) Чжу Си должен был проинтерпретировать данное изречение так, чтобы оно служило делу укрепления непререкаемого авторитета центральной власти, так как империя после периода господства буддизма нуждалась в духовной унификации. Чжу Си справился с задачей: он представил гун не в прямом его значении «нападать на», а в значении «учиться» (якобы, исследуя что-то, мы в каком-то смысле атакуем объект своего изучения), проинтерпретировал изречение следующим образом: «Изучать неортодоксальные доктрины – губительно» [Переломов, 1992: 89].

Вслед за Чжу Си авторитетный британский исследователь конфуцианства Джеймс Легг переводит данное изречение таким же образом: «The study of strange doctrines is injurious indeed!»⁴. Порождённая отходом от изначального смысла из-

³ 礼记全文 [Полный текст канона «Ли Цзи»]. URL: http://www.360doc.com/content/12/0808/18/10140585_229064604.shtml (дата обращения: 09.01.2019).

⁴ *The Analects. English translation by James Legge* [«Луньюй». Перевод на английский Джеймса Лэгга]. URL: <http://ctext.org/analects/wei-zheng> (accessed 23.03.2020).

речения путаница привела к другим искажённым переводам. Так, профессор Хуан Пуминь, вернув *зун* его прямое значение, перенёс своё внимание на иероглиф *и*, который здесь явно вступает в качестве частицы, подчёркивающей категоричность суждения, однако он решил перевести его согласно второму его значению – «завершить/остановить». В результате получилось следующее: «Критика мнений, не совпадающих с общепринятыми, может помочь избежать катастрофы» [«Беседы и суждения»..., 2012: 22]. Таким образом, принцип совещательности не был учтён в политической традиции китайской империи.

Мы видим, что каждый раз, когда китайское государство сталкивалось с иной философской системой, ученые-чиновники производили видоизменение конфуцианства. Актуализированное содержание облекалось в архаизированные формы: новые идеи снабжались отсылками к трудам представителей раннего конфуцианства. Обновлённый вариант учения вбирал в себя некоторые из идей оппонирующей ему философской мысли и, таким образом, «поднимался над ней», обеспечивая сохранение культурной самобытности.

На рубеже I и II тысячелетия н.э. конфуцианство преобразовалось в неоконфуцианство, отвечая на вызовы со стороны даосизма и буддизма через вбирание отдельных аспектов их учений. А в конце XIX – начале XX века начался долгий процесс оформления постнеоконфуцианства, синтезирующего конфуцианскую философию с идеями западной демократии.

В настоящий момент конфуцианство находится на пороге «четвёртого синтеза», синтеза с марксизмом. Но, разумеется, в новом качестве. В современном Китае государственной идеологией является социализм марксистско-ленинско-маоистского толка, поэтому именно его (а не конфуцианства, как прежде) «сигнальные слова», формулы и мировоззренческие установки составляют стрежень политического кур-

са китайского руководства, и именно ему требуется придать долгосрочный, исторически обусловленный характер – за счёт подкрепления его конфуцианской этикой. Ведётся активная работа, чтобы избежать идейного вакуума после констатации успешного строительства общества малой зажиточности в 2021 году. На официальном уровне утверждено, что «модернизация социализма» – ключевая задача периода 2020-2035 гг., подготовительного этапа движения ко «второй столетней цели». В её рамках планируется заложить идеологические основы преодоления вышеупомянутых кризисов, с которыми сталкивается нынешнее руководство Китая.

В чем заключается «модернизация социализма» и каково практическое участие в ней конфуцианства?

Во-первых, необходимо актуализировать роль Компартии Китая как флага на борьбы с фиксацией имущественного расслоения общества, вернуть ей имидж борца за интересы беднейших слоев населения, не лишившись при этом полномочий «беспристрастного судьи» и регулятора общественных отношений во всём их срезе. В этом заключается отличительная черта китайского марксизма, сформулированная Мао Цзэдуном в рамках концепций «новой демократии» и «борьбы двух линий». В работе «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957 г.) Мао Цзэдун показывает, что опора компартии – не только рабоче-крестьянское население, но «народ», под которым понимались «все классы, прослойки и общественные группы, которые одобряют и поддерживают дело социалистического строительства и принимают в нём участие»⁵.

Им противостоят «враги народа», отвергающие саму идею социалистической революции, следовательно, противоречия с ними носят антагонистический характер. В то же время противоречия имеются и внутри самого народа, в частности, между рабочим классом и национальной

⁵ Мао Цзэдун. *К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа* (27 февраля 1957 года). URL: http://library.maoism.ru/on_the_correct_handling.htm (дата обращения: 23.03.2020).

буржуазией. О них говорится следующее: «Противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией — это противоречия между эксплуатируемыми и эксплуататорами, которые сами по себе являются антагонистическими. Однако в конкретных условиях нашей страны, если соответствующим образом регулировать антагонистические противоречия между этими двумя классами, они могут превратиться в неантагонистические, могут разрешаться мирным путём. Коли мы будем регулировать их неправильно, если мы не будем применять в отношении национальной буржуазии политику сплочения, критики и воспитания, или же если национальная буржуазия не примет эту нашу политику, то противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией могут превратиться в противоречия между нами и нашими врагами»⁶.

Подобная теория, описывающая идею борьбы государства с разобщённостью в обществе языком классовой борьбы, нашла отражение и в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. И именно в той её части, где говорится о появлении «потребности населения не только в более высоком уровне материальной культуры, но и в демократии, правовом порядке, честности, справедливости, безопасности, окружающей среде»⁷. В связи с этим в Китае развернута широкомасштабная борьба с роскошным образом жизни, сопровождаемая широкомасштабной антикоррупционной кампанией – с тем, чтобы «в обществе утвердился стиль бережливости и презрения к расточительности» [Си Цзиньпин, 2015: 491], а китайскую мечту в мир несут уже не бизнесмены, а интеллектуалы [Ломанов, 2014: 27]. Концепция «китайской мечты», лейтмотив первого срока правления Си Цзиньпина, примирила дело личного обогащения, грозящее прежде укоренением индивидуализма, с коллективистской моралью. Сделано это было посредством

идеи общенационального усилия по «возрождению великой китайской нации после более чем 170-летней борьбы, продолжающейся со времен Опиумных войн» [Си Цзиньпин, 2015: 48].

Как марксизм Мао Цзедуна, так и идея Си Цзиньпина, направленные на закрепление руководящей роли компартии при любом экономическом укладе и на усиление социальной интеграции, вне зависимости от господствующей формы производственных отношений, очевидным образом опираются на конфуцианскую идею «семейственности в масштабах страны» (*цзя тянься*). Растяжимость понятия «народ» с включением в него сегментов разных классов, в зависимости от их готовности способствовать становлению поступательно крепнущего коллективизма, сохранение морального права партии на лидерство, при условии корректной идентификации ею «антинародных элементов» внутри самой себя – всё это свидетельства применения механизма «заимствование-интерпретация». Где путём заимствования из конфуцианства интерпретируется марксизм. Подтверждение этому можно найти в концепции основных ценностей социализма, сформулированной в ряде выступлений Си Цзиньпина в 2014 году.

В каждом из них отмечалось, что традиционная культура должна играть роль «источника», снабжающего живительной силой социалистические ценности [Си Цзиньпин, 2015: 238]. С одной стороны, Си Цзиньпин показал, что существует преемственность между духовными ориентирами древнего этического учения и моральными устоями современности, а с другой – он напрямую вписал конфуцианскую мораль в «кодекс социалиста». Им постоянно подчёркивается социалистический характер нынешних ценностей, а значит, их диктует сама партия. КПК является проводником конфуцианской морали в обществе, при этом происходит переименование этой морали в социалистическую.

⁶ Там же.

⁷ Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1025/c31521-9285013.html> (дата обращения: 23.02.2020).

Интересно обратиться и к внешнеполитическому измерению конфуцианско-марксистского синтеза на современном этапе. Оно выражается в желании КНР предложить альтернативу экономическому и идейному монополизму и универсализму западной модели глобализации. Здесь конфуцианское наследие и его носящие сильную этическую коннотацию формулировки также привлекается широчайшим образом. Вводятся такие формулы, как общность судьбы народов мира (*жэньлэй минъюнь гунтунти*), «сопряжение» (*сян тун*) китайской мечты и мечтаний других народов, «поднебесность», создание условий для совместного выигрыша (*тяньсячжун*). Все это прямым образом коррелирует с конфуцианскими положениями, центрируемыми понятием «гармония без единообразия» (*хэ эр бу тун*), конфуцианским видением гармонии как системы всеобщей взаимосвязанности и добрососедства без вмешательства во внутривнутриполитическую повестку друг друга. Обращение к концепции *хэ эр бутун* является знаковым, поскольку оно отображает истинный, раннеконфуцианский принцип не столько построения международных отношений, сколько межличностных отношений в принципе. Это позволяет Си Цзиньпину, подобно Конфуцию, применять этические категории к высшей политике, что в сегодняшнем мире, переживающем кризис западных концепций реализма и либерализма, выглядит свежо и ново. По сути, Китай вводит новую теорию международных отношений — моральный идеализм, который ликвидирует свойственный западной доктрине разрыв

между внутренней демократией и обращенной вовне политикой силы [Ломанов, 2014: 30]. Западная теория «гармонии интересов» на основе унификации сменяется китайской теорией «гармонии» на основе постепенного и равнозначного сближения разных культур, образующих наследие мировой цивилизации.

Строго говоря, конфуцианство является не столько философской системой, сколько, подобно Библии, конгломератом универсальных истин, которые будут оставаться актуальными при всех общественных укладах, поскольку их аналогии можно найти в мировоззренческих основах любой референтной группы. Однако именно в этом и заключается ценность конфуцианства как внешнеполитического инструмента: отрицая идею универсализации, оно становится её методом, придавая ей уже не западную, а китайскую форму.

Можно резюмировать, что синтез конфуцианства и марксизма в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи происходит сразу «на двух уровнях» — на инструментальном и на концептуальном. С одной стороны, идеологи КПК перенимают у имперских чиновников-конфуцианцев механизм форматирования правящей идеологии так, чтобы идейный синкретизм не нарушил её формальной целостности. С другой — этическая преемственность социально-экономического курса КНР с концепциями раннего конфуцианства способствует закреплению новой легитимности КПК и новой идентичности для Китая в целом — как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом измерении.

DISCOVERING THE SYNTHESIS BETWEEN MARXISM AND XI JINPING'S THOUGHT ON SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS FOR A NEW ERA

V.V. Sukhomlinova

Victoria V. Sukhomlinova – PhD student, Department of Philosophy MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: pavlenko1993@gmail.com

Sukhomlinova V.V. 2020. Discovering the Synthesis between Marxism and Xi Jinping's Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. № 1(13). P. 30–38. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-30-38>

Received: 30.04.2019. Accepted: 10.12.2019.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. *It remains highly relevant to analyze international relations with a special emphasis not only on the political, but also on the cultural dimension of the «East-West» dichotomy. If we need to maintain control over the process of intercultural communication, it needs to be reconsidered from a philosophical standpoint. In this case what is crucial is to further deepen our understanding of China and its ability to create synthetic political and economic doctrine. This article investigates the mechanism of self-reproduction of Chinese ideology. The author names it «borrow-and-interpret». During the era of Chinese empire this mechanism was applied to Confucianism when it was attacked by opposing philosophical teachings (like legalism, Taoism, Buddhism and western liberalism) threatening to undermine the Confucian-based political regime. Since early Confucian texts were highly condensed in meaning, it offered Confucian bureaucracy to interpret them in various ways. They borrowed some relevant thoughts and concepts from other philosophical doctrines and integrated them into the commentaries of Confucian thought. Confucianism therefore always remained up-to-date and nominally coherent. Today China's President Xi Jinping, along with his predecessors, tries to make Marxism more relevant to Chinese day-to-day practice. It is now Marxism that is updated through applying «borrow-and-interpret» mechanism to it. Xi Jinping merges core socialist values with Confucian ethical maxims. In doing so he hopes to eliminate the negative influence of western values on Chinese society and further consolidate the power of CPC.*

Keywords: Philosophy of culture, ideology, Chinese philosophy, synthesis, Confucianism, Marxism, Maoism, Xi Jinping.

References:

- Fei X. 2012. *Xiangtu Zhongguo* [Rural China]. Beijing: Beijing daxue chubanshe. 185 p. (In Chinese)
- Huang P. 2012. *Huang Pumin jie du Lunyu* [«Analects» as interpreted by Huang Pumin]. Changsha: Bing-lu chubanshe. 345 p. (In Chinese)
- Galenovich Y.M. 2003. *Nakazi Jiang Zeminya. Principi vneshney i oboronnoy politiki Kitaya* [Jiang Zemin's Orders. The Principles of China's Foreign and Defense Policy]. Moscow: Muravei. 336 p. (In Russian).
- Galenovich Y.M. 2006. *Deviz Hu Jintao: socialnaya garmoniya v Kitaye* [Hu Jintao's Slogan: Social Harmony in China]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy misli. 392 p. (In Russian)
- Konfucianskoye chetveroknozhie «Sishu»* [Confucian Four Books «Sishu»] Translation and commentary of A.I. Kobsev, A.E. Lukianov, L.S. Perelomov, P.S. Popov, with the participation of V.M. Mayorov; Opening article of L.S. Perelomov. Institute of Far Eastern Studies. Moscow: Vost. lit. 2004. 431 p. (In Russian).

Krushinski A.A. 2015. «Kitaiskaya mechta» I kategorii tradicionnoy kitaiskoy misli [«Chinese dream» and Traditional Chinese Philosophy]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 5. P. 135-148 (In Russian).

Lomanov A.V. 2014. «Mechta o velikom vrozozhdenii» i politika rukovodstva Kitaya [«A Dream of Great Rejuvenation» and the Policy of Chinese Leaders]. *Kitai na puti k vrozozhdeniiu. K 80-letiiu akademika M.L. Titarenko*. Moscow: ID «FORUM». P. 19-33 (In Russian).

Perelomov L.S. 1992. *Slovo Konfuciya* [The Word of Confucius]. Moscow: TPO «Fabula». 192 p. (In Russian)

Xi Jinping. 2015. *O gosudarstvennom upravlenii* [The Governance of China]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh. 345 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Галенович Ю.М. 2003. *Наказы Цзян Цзэминя. Принципы внешней и оборонной политики современного Китая*. Москва: Муравей. 336 с.

Галенович Ю.М. 2006. *Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае*. Москва: Памятники исторической мысли. 392 с.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу»). 2004. Пер. с кит. и ком-мент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; Вступит. ст. Л.С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. Москва: Вост. лит. 431 с.

Крушинский А.А. 2015. «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли. *Проблемы Дальнего Востока*. № 5. С. 135-148.

Ломанов А.В. 2014. «Мечта о великом возрождении» и политика руководства Китая. *Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко*. Москва: ИД «ФОРУМ». С. 19-33.

Переломов Л.С. 1992. *Слово Конфуция*. Москва: ТПО «Фабула». 192 с.

Си Цзиньпин. 2015. *О государственном управлении*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 345 с.

Список литературы на китайском языке:

费孝通. 2012. *乡土中国* [Фэй Сяотун. Сельский Китай]. Пекин: Издательство Пекинского университета. 185 с. (In Chinese).

黄朴民. *黄朴民皆读论语/ 黄朴民撰* 2012. [«Беседы и суждения» в трактовании Хуан Пуминя]. Чанша: Издательство Бинлу. 345 с. (In Chinese).